

УДК 94(430)“1939/45”
ББК 63.3(4Гем)62
П65

П65 **Почему Третий рейх проиграл войну. Немецкий взгляд / предисловие Алексея Исаева. — Москва : Яуза-пресс, 2023. — 384 с.**

ISBN 978-5-9955-1152-6

После краха Третьего рейха битые немецкие генералы попытались переложить всю вину и за военные преступления, и за разгром вермахта на нацистское руководство и лично Гитлера: из мемуаров в мемуары кочуют проклятия в адрес «бесноватого фюрера», его «роковых решений» и «фатальных ошибок», якобы предопределивших исход войны и поражение нацистской Германии. Однако этот расхожий миф, подхваченный западной пропагандой, не только упрощает подлинную картину событий, сводя реальную историю к идеологическим штампам, но и принижает подвиг Красной Армии, одержавшей заслуженную победу над сильным, умным и умелым врагом.

В этой книге представлены работы ведущих немецких историков, которые раскрывают подлинные причины поражения гитлеровского рейха. От стратегических и политических аспектов Второй мировой, производства вооружений, военного противостояния на Восточном фронте до расистских элементов в нацистской пропаганде против СССР и трагической судьбы советских военнопленных.

«С высказанными немецкими историками точками зрения можно спорить, но несомненно одно: их высказывали люди, хорошо понимавшие реалии страны, являвшейся противником Советского Союза в Великой Отечественной войне...»

Алексей Исаев, кандидат исторических наук

УДК 94(430)“1939/45”
ББК 63.3(4Гем)62

ISBN 978-5-9955-1152-6

© ООО «Яуза-пресс», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ АЛЕКСЕЯ ИСАЕВА

«Сумеречное состояние души», временное или постоянное помутнение рассудка является одним из удобных и распространенных объяснений принятия военных и политических решений неочевидной целесообразности. Часто журналисты и историки, подобно сценаристам посредственных голливудских фильмов, предлагают своим читателям душевные расстройства в качестве объяснений тех или иных ходов с катастрофическими последствиями. Мемуаристы еще чаще похлопывают по плечу или даже постфактум щедро раздают подзатыльники лидерам, перед которыми они трепетали в их бытность у кормила власти. Однако чаще всего это не более чем попытка найти простой ответ на сложный вопрос и стремление избежать глубокого анализа ситуации. В наибольшей степени увлечение личностным фактором принятия решений затронуло историю Третьего рейха. Местами действительно эксцентричное поведение Адольфа Гитлера, многократно усиленное пересказами из третьих рук, давало огромные возможности для перекалывания груза ответственности с факторов объективных на факторы субъективные. При этом критики решений «бесноватого фюрера» не всегда достаточно критически подходили к вопросу реализуемости теоретически правильных вариантов приказов и распоряжений. Тем более сложным оказывается понимание причинно-следственных связей событий для иностранцев, в том числе отечественного читателя.

Представляемый сборник статей в какой-то мере восполняет этот пробел, освещая военные и политические аспекты взлета и падения Третьего рейха глазами немецких

специалистов. В нем собраны исследования по широкому кругу вопросов: от производства вооружений до стратегических и политических аспектов Второй мировой войны.

Открывает сборник статья Х. Хембергера об экономике и промышленности Германии накануне и в ходе Второй мировой войны. Статья описывает ту титаническую работу, которая была проделана в 30-е годы с целью превращения Третьего рейха в автаркию, способную обходиться без импорта отдельных видов сырья и продовольствия. Вскоре после прихода Гитлера к власти был предложен и начал реализовываться план по замене нескольких стратегически важных видов сырья на синтетические аналоги. В первую очередь это касалось каучука и углеводородного топлива. В Третьем рейхе за счет масштабных государственных инвестиций в химическую промышленность было развернуто производство синтетического каучука и синтетического бензина. Хембергер прослеживает систему экономических и политических решений руководства Германии, позволивших сделать большой шаг к созданию способной существовать в условиях блокады автаркии.

Одновременно разрушается образ Германии как страны, испытывавшей тотальную нехватку всех видов природных ресурсов. Полное обеспечение внутренних потребностей углем позволяло тратить большие объемы этого топлива на производство синтетического горючего. Кроме того, ситуация значительно изменилась в сравнении с Первой мировой войной, не в последнюю очередь благодаря прогрессу технических средств ведения войны. В отличие от СССР, Германия не только покрывала свои потребности в алюминии и магнезии, но даже имела возможность экспортировать эти важнейшие для авиапромышленности материалы. Напротив, в Советском Союзе нехватка месторождений бокситов привела к широкому использованию дерева в качестве материала для производства самолетов. В 1930—1940 годах авиация стала одним из важнейших инструментов ведения войны. Природные ресурсы Германии создавали все возможности для производства высококачественных боевых самолетов. И терроризировавшие европейские города «хейнкели», и ставшие символом блицкрига пикирующие

бомбардировщики «Ю-87» «Штука», и «мессершмитты» были построены из «крылатого металла».

Цельнометаллические самолеты обладали несомненными преимуществами перед советскими машинами, в конструкции которых базовым материалом было дерево. Например, попадание 20-мм снаряда авиапушки в металлическое крыло не приводило к повреждениям, грозящим разрушением всей конструкции. Напротив, для деревянного крыла отечественного самолета времен войны такое же попадание грозило куда более серьезными последствиями. Деревянное крыло оказывалось тяжелее сопоставимого по прочности металлического, в условиях военного времени было тяжело выдерживать его геометрию и качество отделки. Все эти факторы сыграли свою роль в воздушной войне на Восточном фронте.

Более того, немецкие конструкторы могли позволить себе роскошь в виде использования алюминиевых сплавов не только в самолетостроении, но даже заменять ими сталь в лафетах орудий (в частности, на 150-мм тяжелом пехотном орудии «sIG-33») и производить из «крылатого металла» массивные понтоны для строительства наплавных мостов. Всем этим фактам не уделялось должного внимания в отечественной историографии. СССР объявлялся неисчерпаемой кладовой природных ресурсов, хотя это в целом не соответствовало действительности. Месторождений основного источника алюминия — бокситов — в СССР было очень мало, и страна испытывала жесточайший дефицит алюминия, который даже поставлялся по ленд-лизу из США.

Взгляд немецких историков также полезен с точки зрения понимания роли Советского Союза как субъекта большой европейской политики. Характерной чертой советской исторической школы было преувеличение значения СССР для Германии в качестве объекта для военной операции. «Молодое советское государство», вокруг которого подобно планетам вокруг Солнца с 1917 года вращались мировые сверхдержавы, стремившиеся во что бы то ни стало с ним расправиться, — это сильно искаженная картина мировой политики.

Другой немецкий историк, Ганс-Адольф Якобсен, работа которого включена в этот сборник, пишет: «Однако отнюдь не «жизненное пространство на Востоке», насильственное завоевание которого уже с 20-х годов пронизывало политические расчеты Гитлера, служило главным активизирующим моментом; нет, главным импульсом являлась наполеоновская идея разбить Англию, разгромив Россию».

Такой подход к проблеме возникновения плана «Барбаросса» не был характерен для отечественных историков, больше акцентировавших внимание на долгосрочных планах завоевания «жизненного пространства» и захвата природных ресурсов. Однако сам Адольф Гитлер сформулировал причины нападения на СССР в выступлении на секретном совещании в штабе оперативного руководства вермахта 9 января 1941 года следующим образом: «Англичан поддерживает надежда на возможность вмешательства русских. Они лишь тогда откажутся от сопротивления, когда будет разгромлена эта их последняя континентальная надежда. Он, фюрер, не верит в то, что англичане «безнадежно глупы»; если они не будут видеть никакой перспективы, то прекратят борьбу. Если они проиграют, то никогда не найдут в себе моральных сил сохранить империю. Если же они смогут продержаться, сформировать 30—40 дивизий и если США и Россия окажут им помощь, тогда создастся весьма тяжелая для Германии обстановка. Этого допустить нельзя.

До сих пор он [Гитлер] действовал по принципу наносить удар по важнейшим позициям противника, чтобы еще на один шаг продвинуться вперед. Поэтому теперь необходимо разгромить Россию. Тогда либо Англия сдастся, либо Германия будет продолжать борьбу против Англии при самых благоприятных условиях. Разгром России позволит также и Японии обратить все свои силы против США. А это удержало бы последние от вступления в войну.

Особенно важен для разгрома России вопрос времени. Хотя русские вооруженные силы и глиняный колосс без головы, однако точно предвидеть их дальнейшее развитие невозможно. Поскольку Россию в любом случае необходи-

мо разгромить, то лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо подготовлена и когда русским приходится преодолевать большие трудности в военной промышленности, созданной с посторонней помощью.

Тем не менее и сейчас нельзя недооценивать русских. Поэтому немецкое наступление должно вестись максимальными силами. Ни в коем случае нельзя допустить фронтального оттеснения русских. Поэтому необходимы самые решительные прорывы. Важнейшая задача состоит в быстром отсечении района Балтийского моря; для этого необходимо создать особенно сильную группировку на правом крыле немецких войск, которые будут наступать севернее Припятских болот. Хотя расстояния в России и большие, но они не больше расстояний, с которыми уже справились германские вооруженные силы. Цель операции должна состоять в уничтожении русских вооруженных сил, в захвате важнейших экономических центров и в разрушении остальных промышленных районов, прежде всего в районе Екатеринбурга, кроме того, необходимо овладеть районом Баку.

Разгром России будет для Германии большим облегчением. Тогда на Востоке необходимо будет оставить лишь 40—50 дивизий, численность сухопутной армии можно будет сократить и всю военную промышленность использовать для вооружения военно-воздушных и военно-морских сил. Затем необходимо будет создать надежное зенитное прикрытие и переместить важнейшие промышленные предприятия в безопасные районы. Тогда Германия будет неуязвима.

Гигантские пространства России таят в себе неисчислимые богатства. Германия должна экономически и политически овладеть этими пространствами, но не присоединять их к себе. Тем самым она будет располагать всеми возможностями для ведения в будущем борьбы против континентов, тогда никто больше не сможет ее разгромить»¹.

¹ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М.: Наука, 1973. С. 93—94 со ссылкой на КТВ ОКВ, Vd.I. S. 253—258.

Взвешенный взгляд на корни плана «Барбаросса» придает динамику отношению руководства Третьего рейха к СССР. Первоначально кампания против Советского Союза была вспомогательной по отношению к главным (как казалось Гитлеру) событиям войны в Европе, которые должны были развернуться на море и в воздухе. Крушение «Барбароссы» сделало вспомогательную кампанию основным содержанием Второй мировой войны для Германии, отодвинув на второй план воздушную и морскую войну с Англией.

Помимо наиболее значимых для отечественного читателя вопросов взаимоотношений между СССР и Германией, немецкие историки уделяют много внимания последствиям воздушной битвы над рейхом. Перед нами предстает картина разрушения крупных городов, порожденная несовершенством оружия воздушной войны. Бомбардировщики Второй мировой войны, вооруженные сбрасываемыми с высоты в несколько километров свободнопадающими авиабомбами, могли эффективно поражать только цель вида «крупный город». Вопреки теории Дуэ, воздействие на крупные города не привело к капитуляции Германии. Воздушный террор только озлоблял людей в тылу и на фронте. Однако немецкому народу пришлось дорого заплатить за проверку теории итальянского военного теоретика на практике. Герхард Шрайбер пишет: «В результате бомбардировок было разрушено почти пять млн квартир — четверть всего жилого фонда по состоянию на 1939 год». Одновременно разрушению подверглись памятники истории и культуры, созданные задолго до прихода Гитлера к власти.

Напротив, оборонявшиеся сильными средствами ПВО и представлявшие собой сравнительно компактные цели промышленные предприятия пострадали намного меньше. Шрайбер дает следующие оценки воздействию англо-американской авиации на промышленность Германии: «В общем же и целом ущерб в строениях и техническом оснащении промышленных предприятий, нанесенный в результате налетов вражеской авиации, наземных боев и разрушений собственными руками, составил от 10 до 15 про-

центров сооружений, если брать за точку отсчета 1936 год с его полной трудовой загрузкой».

Разумеется, бесперспективность воздушного террора осознавалась англо-американским командованием, и в поиске целей для непосредственного воздействия на функционирование немецкой военной машины они обратили свой взор на коммуникации. Шрайбер пишет: «Ведь союзники сбросили на транспортную систему Германии — как и на ее гражданское население — в семь раз больше бомб, нежели на ее военно-промышленные предприятия». Именно разрушение транспортной сети препятствовало быстрому восстановлению предвоенных объемов производства промышленностью Германии. Вместе с тем следует отметить (этот момент был упущен Шрайбером), что массированное воздействие на транспортную сеть Третьего рейха началось только осенью 1944 года. До сентября 1944 года по железнодорожным и речным коммуникациям Германии наносились спорадические удары бомбардировочной авиации союзников, но никакого заметного эффекта на перевозки они не оказали. Соответственно, военная промышленность Третьего рейха смогла достичь пика производительности. Действительно серьезным ударам мосты, железнодорожные узлы, а также инфраструктура речного флота Германии подверглись только в сентябре и октябре 1944 года. Эти удары достигли своих целей. 16 марта 1945 года Шпеер докладывал Гитлеру: «Немецкую экономику ждет неизбежный коллапс в течение 4—8 недель».

Помимо стратегических экономических вопросов, в сборнике много внимания уделено большой политике. Здесь немецкие историки также отходят от классической версии о натравливании Германии на СССР, с одной стороны, и избегают огульных обвинений крупных политиков во внушаемости и слабости. В частности, подвергается взвешиванию анализу политика Невилла Чемберлена, «отца» Мюнхенского сговора. Себастиан Хаффнер: «Основой «умиротворительных» расчетов были антибольшевизм Гитлера и его открыто провозглашенные планы завоеваний на Востоке. Они, как рассчитывал Чемберлен, делали невоз-

можными совместные действия Германии и России. И пока оба континентальных гиганта держали друг друга в страхе, Англия вместе с тащившейся в фарватере ее политики Францией могла, как повелось издавна, играть решающую роль. Кроме того, между Германией и Россией по-прежнему существовал старый «санитарный кордон» — прибалтийские государства, Польша, Румыния и т.д. Этот кордон могло предупредить или по крайней мере осложнить прямое военное столкновение между Германией и Советским Союзом». Тем самым, как мы видим, имело место стремление английского премьера создать в Европе систему «сдержек и противовесов» и избежать военных действий.

Объяснения, отличные от сомнений в умственной полноценности Гитлера, Хаффнер дает также политике Германии в отношении США в течение 1940—1941 годов: «Длившаяся тринадцать месяцев (с ноября 1940-го по декабрь 1941 года) дуэль между Рузвельтом и Гитлером выглядит забавно, поскольку Гитлер выступил в ней в совершенно необычной роли: полному ярости Рузвельту противостоял кроткий, почти как овечка, Гитлер». Немецкий историк предлагает читателям взглянуть на взаимоотношения Рузвельта и Гитлера под другим углом зрения, и такая теория вполне достойна права на существование.

В работе Хаффнера присутствует также мостик, проведенный от политики к военным операциям. Им объяснено с политической точки зрения наступление немецких войск в Арденнах: «Гитлер хотел поставить западные державы перед выбором: либо в последнюю минуту выступить вместе с ним против Советского Союза, либо остаться у разбитого корыта». Так большая политика влияла на стратегию, предлагая наступать на Западе в условиях угрозы удара на Востоке, который должен был последовать со дня на день и действительно состоялся в начале января 1945 года.

С высказанными в «Немецком взгляде» точками зрения можно спорить, но несомненно одно: их высказывали люди, хорошо понимавшие реалии страны, являвшейся противником СССР в Великой Отечественной войне.

КАК БЫЛА ПРОИГРАНА ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

На рассвете 26 августа 1939 года, за шесть дней до начала войны, команда особого назначения германского вермахта внезапно захватила Яблунковский перевал в Польше. Она имела задание держать его открытым до подхода передовых частей сухопутных войск; при этом было захвачено в «плен» свыше 2000 польских солдат. Приказ Гитлера отложить предусмотренное на 26 августа наступление уже не смог вовремя достигнуть этого «отряда для действий в темноте». Ему пришлось мелкими группами отойти к германской границе.

Только 31 августа 1939 года Гитлер отдал окончательный приказ о наступлении: 1 сентября в 4 часа 45 минут утра германские дивизии вступили в Польшу. Вторая мировая война разразилась, когда Англия и Франция (включая доминионы), выполняя свои союзнические обязательства перед Польшей, по истечении сроков предъявленных ими ультиматумов 3 сентября объявили войну Германии. Они не остановились даже перед серьезными последствиями своего шага, как на то до самого конца надеялся Гитлер, пребывая в состоянии между иллюзией и самообманом. Когда шеф-переводчик министерства иностранных дел перевел ему фатальные слова ноты западных держав, он «словно застыл... и сидел в своем кресле совершенно безмолвно и неподвижно». Представление Гитлера о малодушной и уступчивой позиции Англии и Франции не подтвердилось; не сыграла и его крупная козырная карта — пакт с Советским Союзом о ненападении от 23 августа: союзники были полны решимости положить предел осознанной ими еще весной экспансионистской политике Гитлера. Время, когда они мирились со свершившимися фактами, минова-

ло. С момента германского захвата Чехии и Моравии они, поддерживаемые в том президентом США, повернули руль своей политики на 180 градусов: вступив в Прагу, Гитлер «перешел Рубикон».

В отличие от 1914 года, в отношении 1939 года проблема вины за войну как таковая, собственно, не стоит, хотя и ее исторические оценки могли бы быть более дифференцированными, чем это сформулировано в многочисленных послевоенных исследованиях.

Что касается возникновения Первой мировой войны, то западногерманские и иностранные исследователи сходятся в том, что следует говорить о разделенной ответственности. Все участники этой войны, как выразился однажды Ллойд Джордж, в большей или меньшей степени «втянулись» в конфликт, причем каждый из них, вступая в нее, искренне верил, что должен защищаться с оружием в руках от нападения извне. Статья 231 Версальского договора, возложившая вину за войну исключительно на Германию и ее союзников, роковым бременем легла на плечи молодой Веймарской республики. После разрушения системы европейских государств в результате Первой мировой войны предпринятая в 1919 году неудавшаяся попытка новой организации Европы создала питательную почву для дальнейшего, чреватого тяжкими последствиями, хода развития. Версальский мир ни территориально, ни политически, ни тем более морально не мог удовлетворить европейские нации, особенно побежденные; не способен он был и содействовать желательному всестороннему взаимопониманию. Созданная тогда Лига Наций, несмотря на отдельные ее достижения, оказалась не в состоянии разрешить споры на международном уровне, так как должна была принимать решения только единогласно и к тому же не обладала достаточной исполнительной властью. Но особенно далеко стояли в стороне от Лиги Наций Соединенные Штаты Америки, которые вышли из Первой мировой войны в качестве властно-политической и особенно идеологической ведущей силы, а затем вновь впали в изоляционизм.

В эту эпоху, которая, кроме того, характеризовалась экономической депрессией и духовными кризисами, демагоги находили себе послушные массы, которые давали им возможность посулами и обещаниями осуществлять собственные политические идеи. Несомненно одно: в 1933 году Гитлер начал свою внешнюю политику с борьбы против версальского «диктата». Под лозунгом «мира» он шаг за шагом освободил Германию от наложенных на нее ограничений и на свой манер помог вновь обрести полную действенность односторонне сформулированному в 1919 году праву народов на самоопределение. Но за этой националистически обрешенной политикой пересмотра Версальского договора, которую его пропагандисты изображали в самом благоприятном свете, скрывалось с самого начала нечто гораздо большее. Наряду с внутренней консолидацией и созданием тоталитарного фюрерского государства, формирование которого Гитлер ускорил жестокими средствами и методами, он целеустремленно преследовал (поначалу лишь слабо осознаваемые как реализация идей его книги «Майн кампф») две крупные цели: не останавливающееся ни перед каким риском завоевание «соответствующего численности населения жизненного пространства» на Востоке (при одновременном сведении счетов с большевизмом) и установление своего господства в Европе, с которым он намеревался связать ее националистическое преобразование в духе своей расовой теории. Однако решение о времени и направлении той или иной акции (действовать «так или так») он всегда оставлял за собой, не принимая его до самого последнего момента.

Движимый присущим ему внутренним нетерпением и опасением не успеть до конца собственной жизни осуществить свое исторически уникальное «дело», Гитлер в своей политике не считался ни с какими правилами человеческого и национального сосуществования. Поскольку его акции, начиная с 1935 года, не наталкивались на сколько-нибудь значительное сопротивление европейских держав, он действовал все смелее и смелее: восстановление всеобщей воинской повинности и ввод войск в ремилит-

таризованную Рейнскую область в сочетании с форсированным вооружением — таковы были первые этапы его начинавшихся престижных успехов. Вместо того чтобы с самого начала поставить его на место, что при военном превосходстве западных держав в первые годы национал-социалистического господства было все еще возможно, Англия и Франция (недооценивая методы и динамику тоталитарной национал-социалистической системы) считали, что смогут скорее способствовать решению всех спорных вопросов политикой умиротворения. В 1936 году Гитлер осуществил сближение с Италией, к которому стремился («ось» Берлин — Рим), а также укрепил позицию Германии как бастиона против большевизма, заключив с Японией Антикоминтерновский пакт. Год спустя он на секретном совещании 5 ноября 1937 года в самом узком кругу заявил, что для него в решении вопроса о германском жизненном пространстве есть только один путь силы, а без риска этот путь невыносим.

Когда 4 февраля 1938 года Гитлер сместил с занимаемых ими постов имперского военного министра генерал-фельдмаршала фон Бломберга и начальника Генерального штаба сухопутных сил барона фон Фрича и принял командование вермахтом непосредственно на себя, был сделан еще один важный шаг: сильнейший инструмент государства, дотоле унифицированный лишь политически, теперь потерял и свою профессионально военную самостоятельность. Тем самым в будущей войне на долю Гитлера должна была выпасть роль полководца! Одновременно под его влиянием оказалась и дипломатия, когда он назначил имперским министром иностранных дел Риббентропа вместо барона фон Нейрата. После аншлюса Австрии, когда авторитет Гитлера в народе еще больше укрепился, он стал стремиться к ликвидации Чехословакии. Но сначала ему пришлось довольствоваться в Мюнхене в сентябре 1938 года частичным решением: Германия получила Судетскую область, которая была занята 1 октября 1938 года. Хотя Гитлер 26 сентября и провозгласил во всеулышание в рейхстаге: «Чехи нам не нужны», уже в середине декабря он дал штабу

Верховного Главнокомандования вермахта (ОКВ), пусть и с некоторыми оговорками, приказ принять все подготовительные меры для разгрома оставшейся части Чехии.

* * *

Вступление в Прагу положило начало решающему повороту к войне: отнюдь не насытившись и этой добычей, Гитлер обратил свой взор на Польшу. С 1935 года он пытался привлечь ее на свою сторону для совместной борьбы против Советского Союза. Но от этого плана ему в конце 1938 года пришлось отказаться, так как руководящие деятели Польши и не помышляли позволить сделать себя орудием национал-социалистической агрессивной политики, надеясь в качестве «третьей силы» в Европе проводить независимую политику. Они отвергли и гитлеровские предложения по решению вопроса о Данциге и коридоре от 21 марта 1939 года, а тем временем западные державы 31 марта дали Польше свои гарантии. Гитлер денонсировал германо-английское военно-морское соглашение и германо-польский договор о ненападении (28 апреля) и одновременно заключил военный союз с Италией («Стальной пакт»), а также, конкурируя с западными державами, активизировал дипломатические усилия в отношении Москвы, чтобы получить свободу рук против Польши. Это привело 23 августа 1939 года к заключению пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом. После того как Гитлер в начале августа принял окончательное решение напасть на Польшу, германо-польские отношения стали все более обостряться. Эксцессы многих поляков в отношении «фольксдойче», сознательно раздувавшиеся национал-социалистической прессой, дали Гитлеру желанный повод к насильственному вторжению. Правда, заключение польско-английского пакта о взаимопомощи от 25 августа и заявление Италии о ее неготовности к войне привели еще раз к отсрочке нападения. Но 31 августа 1939 года Гитлер дал приказ о вступлении вермахта, после того как прямые польско-германские переговоры не состоялись и Польша, совершенно не понимавшая своих действительных во-

енных возможностей, во второй половине дня 30 августа объявила мобилизацию.

Критически мыслящий политик тех драматических августовских дней 1939 года [германский посол в Риме] У. фон Хассель так описал свои впечатления: «...Гитлер и Риббентроп хотели войны против Польши и сознательно пошли на риск войны с западными державами, до последних дней испытывая колеблющуюся по своей температуре иллюзию, что те останутся нейтральными. Поляки же, с их польским высокомерием и славянской податливостью ходу событий, проникшись доверием к Англии и Франции, упустили любой еще остававшийся шанс избежать войны. Лондонское правительство, посол которого сделал все, дабы сохранить мир, в последние дни прекратило этот бег наперегонки и совершило своего рода «*Vogue la galie*»¹. Франция пошла по этому пути с гораздо большими колебаниями. Муссолини не жалел усилий для того, чтобы избежать войны...» Характерно, что уже в этой первой кампании военная цель Гитлера далеко выходила за рамки разгрома вражеских вооруженных сил: он хотел вести борьбу до полного уничтожения Польши!

Разумеется, Вторая мировая война возникла не только в результате честолюбия и жадности власти отдельного лица. Но свободной от вины за эту вторую европейскую катастрофу едва ли была какая-либо держава, ибо все позже участвовавшие в войне государства ранее оказывали более или менее сильное содействие национал-социалистской политике. Однако факт остается фактом: Гитлер сознательно развязал войну против Польши и тем самым вызвал Вторую мировую войну. Поэтому он несет за нее такую ответственность, какая вообще «мыслима в рамках крупных всемирно-политических процессов» (Херцфельд).

Начало Второй мировой войны, вызвавшее у немецкого народа отнюдь не восторг, а скептицизм и мрачные предчувствия, застало вермахт в разгар его строительства. Оно велось очень быстрыми темпами, почти что в спешке, и притом вширь, а потому ему не хватало глубины в обла-

¹ *Vogue la galie* — кривая вывезет (*фр.*).

сти вооружения и кадров. Таким образом, Германия обладала еще далеко не готовым к действию инструментом войны даже при том, что по производству современных видов вооружения она и опережала западные державы. Из требуемого четырехмесячного запаса вооружения всякого рода в наличии имелось в среднем 25%; боеприпасов для зенитной артиллерии и авиационных бомб хватало всего на три месяца, между тем как запасы горючего из резервов и текущей продукции в лучшем случае покрывали потребности лишь четырех военных месяцев. Генеральный штаб сухопутных войск никаких оперативных приготовлений к наступлению, за исключением касающихся Польши, не предпринял, ибо рассматривал сухопутные войска исключительно как боеспособное средство обороны. Вопреки утверждениям обвинения на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников (1945—1946), будто германский Генеральный штаб еще до 1939 года разработал планы наступления на западные державы, сегодня твердо установлено: первая директива Главного командования сухопутных войск (ОКХ) о стратегическом сосредоточении и развертывании войск датирована 19 октября 1939 года.

Причем и эту директиву Гитлер руководящим чинам ОКХ навязал. Ведь еще в сентябре он оказался перед выбором: или пренебречь своими последними политическими и только что совершенными военными захватами, или же «окончательно» рассчитаться с западными демократиями, которые, как он позднее заявил генералитету, вот уже несколько десятилетий противодействуют консолидации рейха. Учитывая ту быстроту, с какой блестяще руководимые ОКХ и командованием групп армий германские войска шагали в Польше от успеха к успеху (между тем как Франция, почти бездействуя, отсиживалась за своей линией Мажино!), и растущее понимание того факта, что Великобритания, вступив в войну, будет биться до последнего, Гитлер хотел использовать мнимое благоприятствование момента и вынудить противника к решающей битве. При этом проблема нейтралитета не играла для него никакой роли; если Германия победит, никто об этом и не спросит — таков был его аргумент.

Импульсивный и беззастенчивый образ действий, при котором он не считался со взглядами других и оценками положения своими ближайшими военными советниками, привел Гитлера в октябре к поспешному решению: пока он, как казалось, обладает военным превосходством, нужно как можно скорее напасть на западные державы и уничтожить их. Когда Гитлер после так называемого мирного предложения от 6 октября 1939 года приказал ускорить оперативные приготовления к наступлению и, не дожидаясь ответа западных держав на свое предложение, назначил первую дату 25 ноября 1939 года, это вызвало возмущение у командующего группой армий «Ц» генерал-полковника фон Лееба. Он писал в своем дневнике: «[...] все распоряжения [...] указывают на то, что это безумное наступление с нарушением нейтралитета Голландии, Бельгии и Люксембурга действительно собираются предпринять. Итак, речь Гитлера в рейхстаге была всего лишь обманом немецкого народа». Не только он и Генеральный штаб сухопутных войск, но и ряд других командующих задействованных на западе армий справедливо сомневались в том, что еще этой же осенью удастся добиться решающей победы; к тому же польская кампания выявила очевидные недостатки сухопутных войск. На различных совещаниях по обсуждению обстановки они неоднократно обращали внимание Гитлера на то, сколь мало германская армия в данный момент по обученности личного состава и по вооружению отвечает высоким требованиям похода на запад. Разумеется, на основе опыта Первой мировой войны они оценивали боеспособность противника, в том числе и французов, очень высоко. Генерал-полковник фон Браухич [главнокомандующий сухопутных войск] попытался в последний раз сделать это в драматической беседе с Гитлером 5 ноября и вместе с начальником своего Генерального штаба генералом Гальдером вновь и вновь предпринимал попытки трезво изложить все военные точки зрения и убедить Гитлера использовать любую возможность мира. Это трагическое противоречие (с одной стороны, желание не допустить расширения конфликта и превращения его в новый мировой пожар, а с другой — необходимость со всем профессионализмом двигать

вперед приготовления к военной кампании) предъявляло высочайшие требования к их нравственному чувству ответственности и к их солдатскому чувству долга. Всю глубину этого конфликта с собственной совестью может оценить, однако, только тот, кто был вынужден действовать на таком же посту и получил такое же воспитание. Сегодня мы можем только предполагать, в состоянии какой внутренней борьбы находился начальник Генерального штаба сухопутных войск, если он задумывался над тем, не является ли устранение Гитлера единственным выходом из этого запутанного положения. Но он и его единомышленники не решились на этот последний шаг, ибо считали, что такой поступок был бы нарушением традиции, к тому же подходящего преемника нет; кроме того, молодой офицерский корпус, веривший в фюрера, ненадежен, но прежде всего для этого еще не созрело настроение внутри страны.

Но так как Гитлер продолжал форсировать подготовку к наступлению, ОКХ всеми средствами по меньшей мере затягивало переход в это наступление, надеясь тем самым дать место политическому, мирному решению конфликта, который пока еще не разгорелся открыто («сидячая война»). Однако после того, как Гитлер объявил борьбу со всеми «критиканами», у ОКХ остался только один путь: со всей энергией посвятить себя подготовке наступления. Плохая погода, а также неприкрытая оппозиция его планам побудили Гитлера зимой 1939/40 года 20 раз переносить дату начала наступления. Кроме того, разработанная ОКХ по его инициативе директива о стратегическом сосредоточении и развертывании войск не сулила ему большого успеха, а потому он продолжал поиски лучших и более перспективных решений, скорее непреднамеренно, чем умышленно, сам затягивая запланированное наступление!

Тем временем внимание Гитлера приковало к себе положение на севере Европы. Советско-финская зимняя война могла дать западным державам возможность под предлогом военной поддержки Финляндии встать твердой ногой в Норвегии и овладеть шведскими рудными залежами; это означало для Германии опасную угрозу ее флангу. Союзное Верховное Главнокомандование действительно занималось

таким планом. Но операция «Везерюбунг» («Везерское учение»), готовившаяся с января 1940 года прежде всего в связи с желанием военно-морского флота заполучить Норвегию в качестве своей оперативной базы, упредила действия союзников всего на несколько часов. 9 апреля 1940 года части германского вермахта заняли Данию и захватили Норвегию; лишь боевые действия по овладению Нарвиком затянулись до начала июня.

Кампания на Западе, начавшаяся 10 мая 1940 года, при благоприятных для Германии предпосылках (крупные пробы в области вооружения, боевой подготовки личного состава, а также оснащения танками и автомашинами были за время зимы 1939/40 года в значительной мере устранены) никоим образом не была превентивной мерой для защиты от «плановмерно готовившегося совместно с бельгийским и нидерландским генеральными штабами продвижения» войск западных союзников в Рурскую область, как то утверждала национал-социалистская пропаганда. Хотя Гитлер и попытался политически оправдать свои действия и переложить ответственность за них на оба нейтральных государства, на самом деле эти действия определялись в первую очередь его собственными стратегическими соображениями. Он явно считал, что военной победой на континенте сможет побудить своего главного врага — Англию принять его условия и, до предела используя все экономические резервы, сумеет быстро закончить войну. Это было второй его военной целью и вместе с тем его первым ложным умозаключением! К тому же осенью 1939 года он еще имел неверные представления о фактической боеспособности германского вермахта и, несмотря на предостережения специалистов, переоценивал собственную вооруженную силу. Этому его свойству будет суждено приобрести роковое значение в другой взаимосвязи с проводимой им войной. Здесь у Гитлера впервые обнаружилось то расхождение между понятиями «хотеть» и «мочь» в военной области, которое постоянно углублялось у него с годами!

* * *

Какой триумфальный момент для ефрейтора Первой мировой войны, когда 24 июня 1940 года он получил из Дорна телеграмму, в которой его бывший верховный полководец кайзер Вильгельм II поздравил фюрера с «огромной победой»! То, что не удалось императору за четыре года ожесточенной войны, несмотря на величайшее напряжение всех сил, он, Гитлер, совершил всего за несколько недель. Франция сокрушена в ходе поистине невиданной в современной военной истории кампании, от которой просто захватывает дух, а англичане изгнаны с континента. Военный подвиг такого масштаба, какой не снился даже самым смелым оптимистам, а оплачен совсем незначительными потерями! В Компьенском лесу, на историческом месте 1918 года, Франция должна теперь подписать в целом умеренные германские условия перемирия.

Гитлер, с 1933 года шагавший от одного успеха к другому, уже одержавший победу в трех военных кампаниях, теперь достиг вершины своей стремительной карьеры. Его предсказания вновь оправдались: противники были сломлены в кратчайший срок. Теперь он явно достиг своей далеко идущей цели. Он добился этого благодаря своему «инстинкту» в выборе подходящего момента, при помощи которого почти с уверенностью лунатика вел до сих пор свою внешнюю политику. Казалось, он и с войной справляется так же легко опять-таки благодаря своей «интуиции». Национал-социалистская пропаганда не знала удержу, в превосходных степенях восхваляя Гитлера: из «величайшего государственного мужа» со времен Бисмарка она теперь сделала из него и «величайшего полководца всех времен».

Сфера господства Гитлера простиралась отныне от Нордкапа до испанской границы, ограждаемая от врагов, пожалуй, самыми боеспособными вооруженными силами в мире. И хотя зимой 1939/40 года критические, более того, оппозиционные голоса мужественно предостерегали от похода на Запад, победа в мае и июне 1940 года либо заставила их надолго замолчать, либо лишила их всякого резонанса. Престиж Гитлера в народе решающим образом укрепился.